

Кропотова Н.В.

РЕЛИГИЯ – ОБЩЕСТВО – ПРИРОДА:

ПОИСК РАВНОВЕСИЯ ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ?

Проблема «*религия – гражданское общество*» во внутренней своей динамике являет, может быть, важнейший, но тем не менее один из аспектов («срезов») мощной системы современных модернизационных процессов, осуществляющихся под лозунгами демократизации и глобализации. Беспрецедентное «уплотнение» мирового пространства, урбанизация, информатизация, рост скоростей и технических возможностей способствуют умножению и упрочнению контактов между народами, конфессиями, политическими системами, цивилизациями.

Трактовка внутренних связей и закономерностей любого системного объекта не будет полной без учета внешних взаимодействий, а поскольку все процессы разворачиваются во времени и пространстве, то динамику модернизационных процессов целесообразно проследить в некоторой «сетке координат», позволяющей «схватить» неразрывную связь общества и природы.

Таким образом, в качестве основного объекта внимания целесообразно выбрать триаду «религия – общество – природа», связанную прочным узлом модернизации. В зависимости от выбираемого масштаба триада предстает то в своей «экономической» ипостаси как «*ценности – интересы – ресурсы*», то в социальном аспекте – в связке «*традиции – инновации – экологические ограничения*», то в виде основополагающей философской контраверсы «*духовное – социальное – биологическое*», формирующей глубинный пласт человеческого бытия.

Почему религия?

В настоящее время происходит постепенная выработка «расширенного» представления о религии и религиозности как о фундаментальном измерении человеческого бытия, определяющем *миропонимание* людей, как о базовом, начальном условии, некоем корне всех других культурных форм и явлений, как о ключе к пониманию культуры в целом [1].

В условиях трансформирующихся обществ эта «базовость» религиозных взглядов предельно выявляется, выходит на поверхность общественной жизни. В быстро меняющемся мире связь религии с культурой, определяющей в конечном итоге *формы и принципы ориентации человека в мире*, выступает как некий инвариант, задающий вектор движения социальных общностей. В этой связи нельзя не согласиться с утверждением, что "*любая человеческая общность, вне зависимости от того, осознает ли она это или нет, несет в себе некоторое религиозное измерение, или, если угодно, религиозную подкладку. И связано это измерение прежде всего с вопросом о проявленном в Бытии Абсолюте, или о Святыне. Понятие о Святыне так или иначе образует верхушку ценностной шкалы любого – не только секуляризованного, но даже и антирелигиозного – общества. И, разумеется, это понятие не может не обретать мощных социальных проекций*" [2, с. 118]

Почему гражданское общество?

Проблема становления гражданского общества (*civil society*) напрямую связана с процессами модернизации, понимаемой как переход к современному обществу (*modern society*), обществу свободных акторов, вырастающему на пересечении инноваций, секуляризации и демократизации [3]. В гражданском обществе индивиды связаны между собой прежде всего социальными, а не этническими или личными связями, следовательно, гражданское общество немислимо без осознания личностью своих интересов и идеалов, своего места и роли в этом мире. Оно формируется там, где наряду с определенным уровнем материального производства есть достаточный уровень самосознания индивидов [4]. В то же время демократическое общество становится обществом гуманным и "пригодным для жилья", по-настоящему гражданским обществом только при условии наполнения специфическими нравственными ценностями и

политическими принципами, потому что "демократия сама по себе как ряд процессов легитимной передачи государственной власти одной группой людей другой, а priori является нравственно пустой" [5, с. 152].

Почему природа?

Модернизационная трансформация общества, как ни парадоксально это звучит, усиливает *зависимость общества от природы* – природы как вмещающего ландшафта, выполняющего экономические функции ресурсообеспечения, пространственно-операционного базиса, благоприятной среды, и природы самого человека, его биологических возможностей, его генетической структуры.

В пользу этого тезиса свидетельствует актуализация проблемы окружающей среды, выдвижение ее в фокус общественного внимания, то есть фиксация факта формирования *экологических потребностей*, в которых выражается зависимость от природы как общества в целом, так и отдельных индивидов [6]. В урбанизированном, насыщенном техникой мире приходится расходовать все больше средств на меры контроля за качеством среды обитания. То, что в недалеком прошлом рассматривалось и использовалось как дар природы, в нынешних условиях требует все возрастающих затрат овеществленного и живого труда.

Социальные издержки модернизации?

Современное (*modern*) общество по своим основным характеристикам противоположно традиционному [3]. Модернизация слишком часто выступает в форме *детрадиционализации*, когда в большей мере разрушается традиционная культура, чем создаются основы современного общества. В этом случае главный пафос общественных трансформаций направляется на слом культурных препятствий, сдерживающих накопление. В связи с этим возникает особая проблема *легитимизации новых форм предпринимательства* [7], так как общественное мнение в модернизирующемся социуме может относиться настороженно и даже враждебно к индивидуалистскому идеалу потребительского общества, обвиняя его в растущей рационализации всех аспектов социальной и экономической жизни, в потере духовных ценностей, порабощении жадностью к материальным благам, разрушении окружающей природной среды.

В условиях общественных трансформаций, в условиях социальной, экономической, политической нестабильности и, говоря языком синергетики, динамического хаоса резко возрастает ценность экзистенциальной безопасности. Она провозглашается высочайшей ценностью, критерием устойчивого развития. В начале 1980-х годов вводится в научный оборот, а затем включается в качестве концептуальной основы в международные документы термин «устойчивое развитие» (*sustainable development*) как синоним глобальной стратегии обеспечения социально-экономического прогресса растущего человечества в пределах, диктуемых экологическими факторами (возможностями биосферы).

Однако уже в 1997 году Генеральная Ассамблея ООН на своей специальной сессии (23-27 июня 1997 года, Нью-Йорк), подводя итог усилиям, предпринятым за пять лет, прошедших после конференции в Рио-де-Жанейро, выразила глубокую озабоченность общей ситуацией в осуществлении устойчивого развития, особо подчеркнув остроту таких процессов, как ускоряющаяся глобализация, растущая нищета, расширяющийся разрыв между развитыми и развивающимися государствами, распространение неустойчивого западного стиля жизни и его пагубные последствия с точки зрения состояния окружающей среды и распределения материальных благ [8].

Неравномерность мирового развития [9] находит свое отражение в неоднородности современного мира [10]. Процесс глобализации, по-видимому, и далее будет неровным, с хронической финансовой нестабильностью и углублением экономического неравенства; экономически отсталые регионы и страны будут переживать экономическую стагнацию, политическую нестабильность и культурное отчуждение [11], поскольку "Юг просто не в состоянии утвердить как действующую норму такой тип международно-правовых

отношений, который обеспечивал бы ему справедливую долю горной и биосферной ренты" [12, с. 33].

Ответ на вызов модернизации?

Р. Инглхарт [13] убедительно показал, что при восприятии перспективы выживания как *негарантированной* акцент в ценностных системах людей переносится на значимость предсказуемости событий, авторитет высшей власти, абсолютных правил. Этим характеристикам идеально соответствуют религиозные воззрения. Догматы религии, выражающие абсолютную божественную истину, не могут быть опровергнуты человеческим разумом, а следовательно, только они могут гарантировать человеку правильную ориентацию в изменяющемся мире. На этом фоне не вызывает удивления рост религиозных настроений в мире и увеличение числа приверженцев как традиционных религий, так и нетрадиционных верований. Дж. Несбит, провозглашая религиозное возрождение нового тысячелетия, утверждает, что оно *"отражает переход от коллективной, организованной религии к вере отдельных личностей, будь то вера в целителей, духовных учителей или в слово Библии"* [14, с. 354].

Сквозной темой *"нового дискурса, под знаком которого в XX веке обитало уже подавляющее большинство человечества"* [15, с.22], оказалась идея встраивания в современный, модернизирующийся мир, идея борьбы за будущие возможности социально-экономической и духовной жизни через мобилизацию "почвенных" социокультурных понятий: "общинность", "соборность", "космичность", "религиозная традиция", в рамках которой ответная реакция отдельных индивидов и социальных общностей на неравномерное распределение материальных и статусных ресурсов все чаще облекается в форму религиозных и религиозно-этнических движений.

Как считает Б. Хантингтон, возрождение религии в незападных странах *"почти обязательно принимает антизападное направление"* [16, с. 89].

По мнению Н.Н.Моисеева, *«возникновение зоны нестабильности, захватившей все пространство от Индии до Средиземноморья и страны Магриба, являются своеобразным цивилизационным ответом на процессы модернизации. Во всяком случае именно таким мне представляется происходящее в мусульманском мире. Нельзя, конечно, свести объяснение этих процессов к какому-то единому обстоятельству. Но мне кажется, что одной из причин нестабильности в мусульманском мире является принципиальное неприятие либерализма (и демократии западного образца)»* [17, с. 19]

Вместо устойчивого развития – борьба за ресурсы биосферы?

Ускоряющиеся процессы глобализации мировой экономики, обостряя противоречия между экономически развитыми и развивающимися государствами, влекут за собой трудно прогнозируемые преобразования в экологической и природно-ресурсной сфере. Отсталые в экономическом отношении страны не обладают современными прогрессивными технологиями и не в состоянии эффективно использовать природные ресурсы. Обостряется проблема "экспорта загрязнений" из благополучных ("цивилизованных") стран в эти регионы. Размещение промышленных и энергетических отходов, экологически опасных, ресурсо- и энергоемких производств на территориях, привлекательных для западного инвестирования из-за низких природоохранных стандартов, отсутствия "зеленых" налогов, несовершенства экологического законодательства, способствует прогрессирующей деградации местной природной среды. Глобализация в ее нынешней форме закрепляет противоречие между сверхпотреблением меньшинства и недопотреблением огромных масс населения в "третьем мире" [11, с. 16]. Большинство экспертов согласны с тем, что развивающимся странам, в силу ограниченности биосферных ресурсов, не удастся достичь материальных стандартов развитых стран.

По-видимому, прав Н.Н. Моисеев, утверждавший, что *«определяющее значение в истории общества (во всяком случае ближайших десятилетий) будут играть его взаимоотношения с окружающей природой. Именно они окажутся инициаторами*

цивилизационных конфликтов, поскольку человечество подошло к порогу допустимого, и разные цивилизации будут очень по-разному воспринимать природные ограничения и искать пути дальнейшего развития.» [17, с. 7]. Сегодня все чаще раздаются голоса, ставящие под сомнение саму идею "столь же популярной, сколь и неопределенной концепции устойчивого развития" [12, с.35].

В дополнение отметим, что в свете синергетических представлений концепция устойчивого развития, основанная на определении стабильного тренда, представляется мало соответствующей ситуации глобального системного кризиса, в которую погружается мировая система. Эта ситуация скорее может быть описана в терминах фуркационного состояния (как "точка бифуркации"). В этих условиях, условиях динамического хаоса, однозначный прогноз, базирующийся на жестких каузальных связях, становится невозможным.

Гражданское общество или социальный хаос?

Углубляющаяся *нестабильность* мировой системы, что вообще характерно для любого процесса быстрых инноваций, расширение демократизационных процессов сопровождается сужением сферы управленческорегулирующей деятельности государства. На этом фоне индивидуальные поиски «гаранта устойчивости» придают социальным процессам особую окраску. Как отмечает И. Валлерстайн, «еще вчера большинство людей доверяло государствам с их легитимностью и надеялось на их позитивное реформирование в ближайшем будущем. А кому следует доверять в мире беспорядка и экономической неуверенности с негарантированным будущим?»

Ответ ясен уже сейчас ... – "группам", которые могут иметь различные ярлыки: этнические, религиозно-языковые, родовых или половых предпочтений, "меньшинства" с разного рода характеристиками...Люди будут проявлять политический радикализм без четкой политической программы, фактически обращаясь к самозащите. А самозащита малых групп – очень опасна для мира ...Это даже не национализм. Это потеря веры прежде всего в государство, в то, что оно способно расширить проблемы общества» [18, с. 182-183].

Есть ли выход из сложившейся ситуации?

Единственный способ, дающий надежду на разумную альтернативу печальной перспективе социального хаоса и борьбы всех против всех, – *диалог как возможность найти понимание*. Проблема эта "замечается и становится предметом для размышления и исследования тогда, когда автоматизм интерпретации перестает действовать. Современная культура все чаще имеет дело с ситуациями такого рода. Вступают в контакт культуры, которые ранее были обособлены и вследствие этого обладают различными смысловыми структурами. В целом проблема понимания стоит тем острее, чем больше различие между смысловыми структурами текстов разных участников процесса коммуникации» [18, с. 67]. Правда, различие это не может быть сколь угодно большим, иначе понимание станет вообще невозможным. Настоящее понимание людьми друг друга предполагает умение становиться на точку зрения собеседника (как говорил Г.С. Батищев «отнестись к другому, как к себе»).

Но возможно ли это в эгоистичном мире постмодернистского "зазеркалья"?

Литература

1. Балла О.А. Религия, магия, миф: современные философские исследования // Вопросы философии, 1999. – №4. – С. 153 – 157.

2. Ворожейкина Т., Рашковский Е., Умнов А. Гражданское общество и религия // *Мировая экономика и международные отношения*. – 1997.–№8.–С.113 – 120.
3. Федотова В.Г. Типология модернизаций и способов их изучения // *Вопросы философии*. –2000. – №4. – С. 3 – 27.
4. Гобозев И.А., Халаева Л.А. Гражданское общество: существенные характеристики // *Философия и общество*. –2001 . – №2. – С. 59 – 79.
5. Бургер Р. Революция, демократия и ценности (О роли терминологии в трактовке исторических событий) // *Вопросы экономики*. – 2001.–№5. – С.149–156.
6. В поисках равновесия: Экология в системе социальных и политических приоритетов./Отв. ред. Б.М. Маклярский.–М.:Междунар. Отношения. –1992.–296 с.
7. Зарубина Н.Н. Без протестантской этики: Проблема социокультурной легитимизации предпринимательства в модернизирующихся обществах // *Вопросы философии*. – 2001. – №10. – С. 45 – 56.
8. Кондратьев К.Я. Итоги специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН // *Вестник РАН*. –1998. – Т.68. - №.1. – С. 30 – 40.
9. Н. Симония. Глобализация и неравномерность мирового развития // *Мировая экономика и междунар. отношения*, 2001. – №3. – С. 35 – 44.
10. Б. Болотин. Неоднородность современного мира // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2000. №8. – С. 121 – 127.
11. Юрлов Ф.Н. Социальные издержки глобализации // *Социальные исследования*. - 2001. – №7. – С. 13 – 22.
12. Неклесса А. Конец цивилизации, или конфликт истории // *Мировая экономика и международные отношения*. – 1999. – №3. – С. 32 – 38.
13. Инглхарт Р. Постмодерн: Меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // *Полис*. – 1997. – №4. – С. 6 – 32.
14. Несбитт Дж., Эбурдин П. Что нас ждет в 90-е годы: Мегатенденции. Год 2000. Десять новых направлений на 90-е годы.– М.: Республика, 1992. 415с.
15. Хантингтон Б. Запад уникален, но не универсален // *Мировая экономика и международные отношения*. – 1997. – №8. – С. 84 – 93.
16. Моисеев Н.Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы. Эколого-политологический анализ // *Вопросы философии*, 1995.–№1.– С.3-30.
17. Валлерстайн И. Политические дилеммы на рубеже тысячелетий // *Пол. Исслед.*- 1996. – №4. – С. 179 – 183.
18. Лекторский В.А. Междисциплинарный и философский подход к проблеме понимания // *Понимание как философско-методологическая проблема* // *Вопросы философии*. –1986. – №7. – С. 65 – 81.